

P₅ $\frac{5}{92}$

Р 5
92

Русскія
народныя
Сказки и прибаутки.

Пересказанныя для дѣтей и иллюстрированныя

Е Д Польшовой.

складъ изданія у і.кнебель

москва.

Государственный
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
В. И. ЛЕНИНА

58782-48

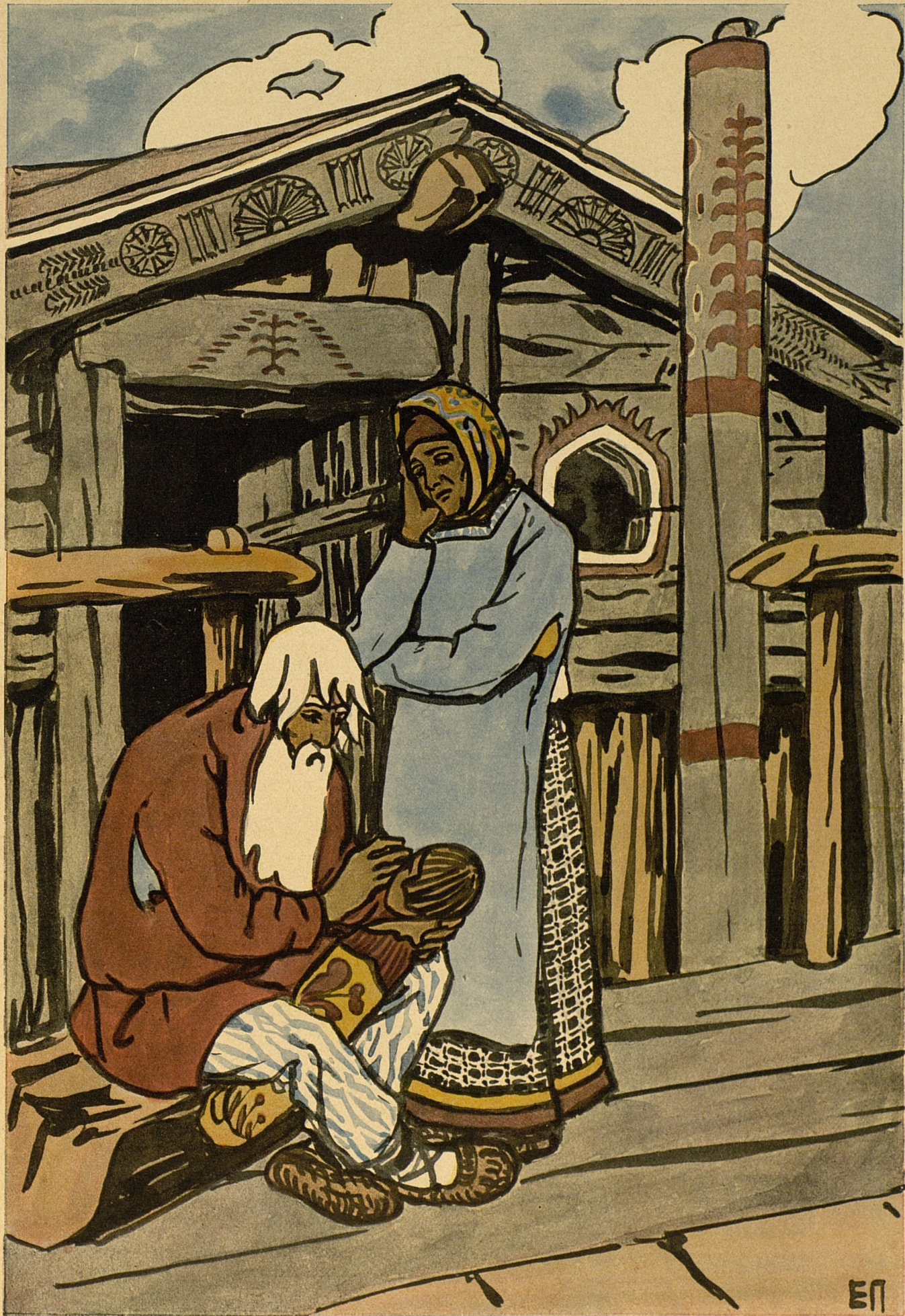
2007066842

СЫНКО - ФИЛИПКО.

Въ сторожкѣ, на рѣкѣ, у перевоза жилъ дѣдъ, старый паромщикъ, съ женою. Жили они вдвоемъ, дожили до старости, а дѣтей у нихъ не было. Сильно тосковала объ этомъ старуха, ужъ такъ-то она тужила, что и сказать невозможно.

Вотъ стала она дѣду такія слова говорить: „Нѣтъ у насъ съ тобой у горемычныхъ дѣтокъ, хоть бы ты мнѣ бревешко обтесалъ: я бы его въ ветошку обернула, стала бы въ зыбкѣ качать, пѣсенки ему пѣть—все бы хоть немножко тоску размыкала“.

Дѣдъ сжалился надъ старухой, взялъ чурбанъ, обтесалъ его, сдѣлалъ мальчиқа, уголькомъ ему глазки, ротикъ и носикъ написалъ и далъ старухѣ.

Она обрадовалась, стала его пѣстовать да въ зыбкѣ качать, словно онъ живой. И такъ-то усердно она его качала, что онъ вдругъ ожилъ и закричалъ, а потомъ сталъ расти, какъ настоящій мальчикъ.

Ужъ и рады были старики сыночку, назвали его Филиппомъ и стали его выращивать и выхаливать.

Растетъ сынко-Филипко, и отецъ съ матерью на него радуются. Выросъ сынко-Филипко, сталъ хорошій, здоровый паренецъ.

Началь на рѣчку ходить, рыбку удить. Потомъ сталъ къ лодкѣ привыкать, и такъ полюбилось ему это, что иной разъ съ разсвѣтомъ уйдетъ да такъ все вдоль рѣчки ѣздитъ, рыбкой занимается. Въ полдень мать на берегъ придетъ, огонь разведетъ, навѣситъ котелокъ, сваритъ кулешокъ, подойдетъ къ рѣчкѣ и начнетъ его кликать:

„Сынко-Филипко! по рѣченькѣ ѣздишь, рыбку ловишь,—ближе, ближе къ бережку, похлебай кулешку“.

Тогда сынко-Филипко причалитъ къ берегу, выгрузитъ рыбу, отдастъ ее матери, сядетъ, пополдничаетъ и опять за работу.

Разъ какъ-то баба-Яга, костяная нога, подслушала, какъ мать Филипка звала. Захотѣлось ей Филипка хитростью изловить и себѣ ужинъ изъ него сготовить. Вотъ она сѣла въ ступу и покатила къ тому берегу, гдѣ Филипко поблизости рыбу удилъ.

Ѣдетъ баба-Яга, костяная нога, пестомъ погоняетъ, метлой слѣдъ замечаетъ. Приѣхала, развела костеръ, навѣсила котелъ, сама въ ельникъ спряталась и закричала: „Сынко-Филипко, по рѣченькѣ ѣздишь, рыбку ловишь—ближе, ближе къ бережку, похлебай кулешку!“—

А Филипко ей отвѣчаетъ: „Знаю, что это не моя матушка меня кличетъ; у моей матушки голосъ тонкій, а это вотъ какой грубый. Это ты, баба-Яга, меня обманываешь, ты меня съѣсть хочешь“.

И не поѣхаль къ берегу. Такъ баба-Яга ни съ чѣмъ домой вернулась.

На другой день, прежде чѣмъ къ берегу ѣхать, она надумала пойти въ кузницу, гдѣ кузнецъ лошадей коваль, и говоритъ ему: „Ковалекъ, ковалекъ, скуй мнѣ новый язычокъ: мнѣ нуженъ тонкій голосокъ“. Кузнецъ сковаль ей коротенькій язычокъ, и сдѣлался у бабы-Яги тонкій голосокъ.

Она съ нимъ живо, живо къ рѣчкѣ, все приладила: и огонекъ, и котелокъ, и кулешокъ, и тонкимъ голоскомъ закричала: „Сынко-Филипко, по рѣченькѣ ѣздишь, рыбушку ловишь,—ближе, ближе къ бережку, похлебай кулешку!“

Услыхаль ее сынко-Филипко, подумаль, что мать его кличетъ, и поѣхаль на голосъ. Только выпрыгнуль онъ на берегъ, баба-Яга изъ-за елки выскочила, когтями его ухватила, въ ступу посадила и поѣхала съ нимъ къ своему двору. Подѣхали. Баба-Яга кричитъ своей дочери: „Настаска, Настаска, отвори ворота!“ А Настаска была такая же вѣдьма и злоха, какъ

сама баба-Яга. Въѣхала баба-Яга съ Филипкомъ во дворъ, говоритъ своей дочери: „Настаска, Настаска, топи баню жарко, жарко, мой Филипка бѣло, бѣло!“

Настаска докрасна истопила въ банѣ печь, вымыла Филипку добѣла.

Тогда баба-Яга говоритъ ей: „Теперь истопи печку въ избѣ и зажарь его; когда будетъ готовъ, я вернусь“. Сама сѣла въ ступу, взяла пестъ да метлу и уѣхала.

Настаска истопила печку. Ей самой до смерти захотѣлось отвѣдать Филипкинаго мяса. Взяла лопату и говоритъ Филипкѣ: „Сынко-Филипко, садись на лопату“. Онъ говоритъ: „Я не умѣю—покажи мнѣ“, и взялъ у нея лопату изъ рукъ. Она говоритъ: „Вотъ такъ!“—и сѣла на лопату. Онъ ее взялъ да въ печку и сунулъ. Самъ живо изъ избы вонъ; думаетъ, какъ бы ему отъ бабы-Яги укрыться. Слышитъ, что она близко ѣдетъ. Вотъ онъ до большого дерева добѣжалъ, на дерево влѣзъ, сидитъ притаившись.

Пріѣхала баба-Яга, кричитъ: „Настаска, Настаска, отвори ворота!“ Настаска не откликается. „Куда это она запропастилась?“ подумала баба-Яга, вылѣзла изъ ступы, сама ворота отворила и во дворъ въѣхала. Идетъ въ избу, видитъ—печка истоплена. Она печку открыла и говоритъ: „Покатайся, поваляйся, сынки-Филипкины косточки поглодай“.

Сынко-Филипко услышалъ да и закричалъ: „Не мои, а Настаскины қосточки поглодай!“ Услышала баба-Яга его голосъ, выбѣжала изъ избы и видитъ—онъ, живой, на деревѣ сидитъ. Вотъ она за топоромъ сбѣгала и давай дерево рубить.

Посмотрѣлъ Филипко внизъ, видитъ—бѣда ему неминучая. Взглянулъ қверху, а надъ нимъ летятъ утки. Онъ закричалъ: „Уточки бѣлыя, уточки сѣрыя, скиньте мнѣ по перышкѣ, я сплету изъ нихъ крылышки, полечу домой къ отцу, къ матери!“

Уточки бросили ему каждая по перышкѣ. Филипко сталъ сплетать изъ нихъ крылья; сплелъ, замахалъ ими, но они были слишкомъ малы и не могли поднять его қверху. А баба-Яга все рубить да рубить, такъ что щепки во всѣ стороны летятъ.

Взглянулъ Филипко опять наверхъ, видитъ—летятъ гуси вереницею. Онъ закричалъ: „Гуси бѣлые, гуси сѣрые, скиньте мнѣ по перышкѣ, я вплету ихъ въ свои крылышки, полечу домой къ отцу, къ матери!“ Гуси бросили ему по перышкѣ. Онъ ихъ вплелъ въ свои крылышки, замахалъ ими, но они все еще были слишкомъ малы и не могли поднять Филипку. А баба-Яга внизу все рубить да рубить, ужъ дерево за-трещало и пошатнулось.

Еще разъ взглянулъ Филипко на небо, видитъ—летитъ стая лебедей. Онъ закричалъ: „Лебеди бѣлые, лебеди сѣрые, сѣньте мнѣ по перышкѣ, я вплету ихъ въ свои крылышки, полечу домой къ отцу, къ матери. Лебеди бросили ему по перышкѣ. Онъ ихъ вплелъ въ свои крылышки.

А баба-Яга внизу дерево дорубила. Дерево стало падать, а Филипко взмахнулъ крыльями и полетѣлъ вверхъ, какъ птица.

Баба-Яга только руками развела да зубами заскрежетала.

А Филипко домой къ отцу, къ матери полетѣлъ. Прилетѣлъ онъ къ окошечкѣ, сѣлъ на травкѣ. А мать напекла блиновъ, созвала гостей, поминаетъ Филипка и говоритъ: „Это тебѣ, гостекъ, это тебѣ, старичокъ, а это мнѣ блинокъ!“ А Филипко подъ окномъ отзывается: „А мнѣ?“

—„Поглядица, старичокъ, кто тамъ проситъ блинокъ?“ Старики вышли, увидалъ сына-Филипко, обхватилъ его, привелъ къ матери—пошло цѣлованіе и стали они вмѣстѣ жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

№ 3787/596

Магазин № 2

2007066842